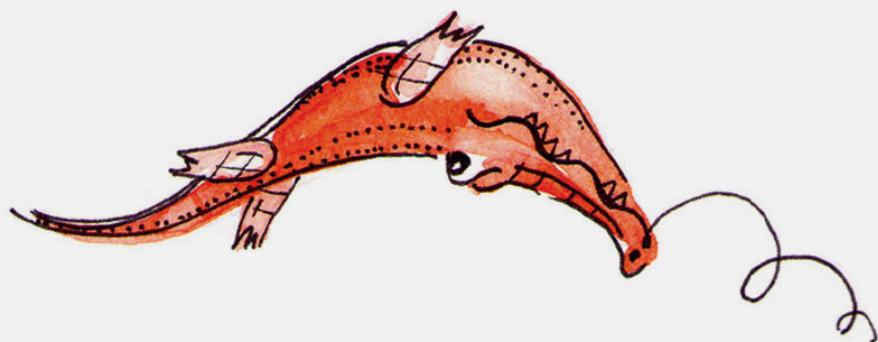

САВОЛАЙНЕН
ВАНДА

“КУКИШ
В
УПАКОВКЕ”

ИЛИ КАК ОТДОХНУТЬ
НА ХАЛЯВУ...

Ванда Саволайнен

**Кукиш в упаковке, или
Как отдохнуть на халяву...**

«Реноме»

2015

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Саволайнен В. О.

Кукиш в упаковке, или Как отдохнуть на халяву... /
В. О. Саволайнен — «Реноме», 2015

ISBN 978-5-91918-640-3

То, что жизнь полна разного рода неожиданностей, известно всем. А вот какие «кукиши» в упаковке и без преподнесла судьба-злодейка героине юмористической повести, еще предстоит узнать читателю. Несмотря на кажущуюся обыденность сюжета, стремительно развивающиеся события, словно снежный ком, сваливаются на головы героев, мечтавших всего лишь о спокойном и безмятежном отдыхе.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-91918-640-3

© Саволайнен В. О., 2015
© Реноме, 2015

Ванда Саволайнен

Кукиш в упаковке, или Как отдохнуть на халяву...

© Саволайнен В., 2015

© Константинова И., художественное оформление, 2015

© Оригинал-макет. ООО «Реноме», 2015

* * *

То, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, а сладкое слово «халява» не всегда имеет вкус халвы, мне пришлось испытать на собственной шкуре. Но давайте с самого начала и по порядку.

Мне 44, у меня довольно редкое имя Влада, двое детей, муж и куча общественной работы: мне всегда хотелось идти в ногу со временем и быть полезной обществу. Да, как бы банально и избито это ни звучало. Так как я временно не работала, моим основным делом стала общественная работа. Она отнимала все мое свободное время. Я заседала во всевозможных комиссиях, проводила собрания и встречи, была членом попечительского совета и участником всех знаковых мероприятий в городе. И, как пошутили мои друзья и коллеги, я дозаседалась, а точнее сказать – они и посоветовали мне принять участие в выборах в городской Совет. Мне и в голову тогда не могло прийти, что по большому счету все это – давно проигранный и хорошо отредактированный спектакль, где все главные роли были расписаны наперед. Так что к концу этого действия у меня не осталось ни энтузиазма, ни сил что-либо делать.

И вот когда казалось, что ничего хорошего уже не случится, раздался звонок. Позвонила женщина, которую я вспомнила с трудом, так как мы были представлены друг другу лет пять назад или более. Ее звали Неля. Тогда, на каком-то детском празднике, мы и познакомились. Поговорив о чем-то для приличия минут десять или пятнадцать, мы разошлись в разные стороны. Как я наивно полагала, наши дороги более не пересекутся. Но, как выражается сантехник нашего ЖЭКа дядя Петя, в народе прозванный Петя-рублик: «Судьба – она ж, злодейка, только и ждет, когда тебе преподнеси кукиш в упаковке». Хочу заметить, что фразу «кукиш в упаковке» Петя-рублик произносил с особым чувством и придыханием, держа средний палец правой руки кверху, что вообще-то выглядело двояко. То ли он хотел показать этим жестом, что от судьбы-злодейки не уйдешь, то ли ее же, злодейку, посылал туда, куда обычно посылают средним пальцем правой руки.

Наш сантехник Петя-рублик был натурой колоритной. Внешне он был очень похож на певца Шаляпина, философскими рассуждениями – на Козьму Пруткову, а делами – на волшебника-недоучку, о котором поет наша любимая певица Алла Борисовна. Однажды и мне пришлось в этом убедиться. Как всегда, не вовремя потекли трубы в туалете. Вернее сказать, немного закапало между какими-то стыками. Лужица, на первый взгляд, была небольшая, но за ночь собиралась целая литровая банка. Показав мужу это безобразие и услышав в ответ, что он срочно заняться этим не сможет, так как на работе завал, я решила позвонить в ЖЭК и вызвать дежурного сантехника. Мне пообещали прислать мастера, как только он освободится. Часа через два раздался звонок. На пороге стоял высокий упитанный мужчина средних лет, в руке он держал разводной ключ.

– Здравствуй, хозяйка, вызывала мастера? – спросил он.

– Да, да, здравствуйте, проходите, пожалуйста, – сказала я, пропуская его в квартиру.

– Петр Афиногенович, – представился он.

– Очень приятно, Петр Афигонович, – быстро ответила я, еще не поняв, что из-за спешки неправильно произнесла его отчество.

– Ну шо вы за народ, городские? – с характерным выговором и обидой в голосе проговорил он. – Хоть бы раз отчеству назвали как дадено с малолетства, скоко ни представляюсь, ну с первого разу ни в жисть не скажут правильно. Во народ! Дожноть, батька вже не раз в гробу перевернулся!

И он, качая укоризненно головой, прошел к туалету проверить неисправность. Потрогав и простучав все трубы, он вздохнул и подытожил:

– Ну шо, доча, протекли вы со своей старой коммуникацией?

– А что же делать? – жалобно спросила я.

– Не боись, доча, я – потомственный мастер, еще прадед мой у графьев корыты чинил! Вот уж бог талантом наградил! – с гордостью сказал он. – Руки у его золотые были. Царствие ему небесное, – произнес, крестясь, Петр Афигонович. – Дай ему лопату и лом, и он те чо хошь починит, – поднял палец вверх Петр Афигонович.

Я, конечно, не мастер по сантехническому оборудованию, но после рассказа о лопате и ломе у меня возникло нехорошее предчувствие.

– Оно же щас как, доча? – не унимался мастер. – Молодые работать не хотят, а гроши давай, вот и гонют халтуру. А мы, потомственные мастера, любим качество и шоб клиент был в шоколаде.

– Очень хорошо, – перебила я, – чинить-то будете?

– А як же ж, доча? – он не спеша прошел на кухню.

– Перестаньте называть меня дочей, – как можно вежливее попросила я. – Мы же с вами почти ровесники.

– А ты не обижайся, доча, у нас, на Кубани, почитай, все так говорят.

Слово «говорют» он произнес с сильным ударением на второй слог. Я улыбнулась и спросила:

– А давно вы с Кубани?

– Да, почитай, с самого основания этого города.

– Так, значит, вы здесь уже двадцать пять лет?

– Да, – гордо выпятив грудь вперед, ответил потомственный мастер. – Родина послала поднимать разруху! Отак, доча! Это тебе не лясы точать! – нравоучительно произнес он.

– Какая разруха? Вы что? Город строился новый, это же стройка комсомольская была. И еще полгорода построили финны, о какой разрухе вы говорите? – удивилась я.

– А вторую-то половину построили наши, – Петр Афигонович хитро прищурил один глаз и погрозил пальцем. – А наши, сама знаешь, строить умеють! У нашего брата с такими мастерами-строителями завсегда работа будет. Смекаешь, доча?

– Вы так странно разговариваете, – заметила я, – как в старом кино.

– Это мы так с женой решили после переезду в город, что надо сохранять наше наследие, и неча свой родной язык коверкать и задурять голову всякой там иностранщиной, – назидательно сказал он.

«Неандерталец какой-то», – подумала я и, решив прекратить этот бесконечный разговор, сказала:

– Вы чините, а я на кухне буду, мне обед надо готовить, а то семья скоро придет. Если понадобится помощь, зовите.

Я зашла на кухню и прикрыла за собой дверь. Потомственный сантехник, он же «подниматель разрухи», нехотя побрел к туалету, достал инструменты и приступил к ремонту. Из туалетной комнаты доносились стук, лязг и тихая брань. Мастер безуспешно боролся с нашими трубами. Не переставая ругаться, он с силой крутил что-то разводным ключом, и старые трубы,

не выдержав натиска, лопнули и обдали его сильным напором воды. Вот тут-то и начался настоящий потоп.

– Хозяйка! – истошно заорал мастер. – Срочно звони в ЖЭК, пусть бригаду вызывают, тут одному не справиться. Надо воду во всем доме перекрыть, а то не остановим!

Как бы ни зажимал трубы своими руками горе-мастер, вода била фонтаном, грозя затопить всех до первого этажа. Бросившись к телефону, я позвонила диспетчеру и, объяснив ситуацию, попросила помощи. На другом конце спросили, кто сантехник. Странно хихикнули, но помощь пообещали.

– Неси скорее тряпки и ведра! – кричал он.

Схватив то, что было под рукой, я сунула ему кучу тряпок, полотенце и подала ведро.

– Держи здесь, – командным голосом велел сантехник, – и крепче прижимай.

Я перехватила зажим из тряпок и крепко прижала бьющую во все стороны струю воды.

– Стой, не рыпайся, а я пойду позвоню Пашке!

– Какому Пашке? – с подозрением спросила я.

– Пашке Лобанову, ну, из соседнего дома, небось, слышала, тоже мастер, – с гордостью сказал он. – Ты, доча, не смотри, что он запойный, он свое дело знает!

– Нет! – заорала я. – Не надо звонить! С меня и вас хватит! Сейчас пришлют ремонтника, он все исправит!

Мастер-ломастер собирал свой инструмент и философски рассуждал:

– Судьба, она ж, доча, злодейка, так и ждать, когда преподнеси тебе кукиш в упаковке! Вас, городских, не поймешь. Сами не знают, чо хотять, то чини, то не надо.

В этот момент раздался звонок, и в незапертую дверь влетела соседка Света, живущая подо мной этажом ниже.

– У тебя тут что, потоп? А то у меня по стенам в туалете вода бежит. – Но, увидев меня, текущие трубы и лужи на полу, спросила: – Ты сантехника вызвала?

– А як же ж, – словами мастера сказала я. – Вот он, посмотри, – и я указала головой на сантехника.

Петр Афиногенович стоял к нам спиной и, бурча что-то себе под нос, продолжал собирать инструменты. Подбоченившись, как Солоха, и сделав ехидное лицо, соседка спросила:

– А ну-ка, посмотрим, кто там у нас? – она наклонилась в сторону, пытаясь увидеть лицо мастера. – Ну, конечно, это ж Петя-рублик, а я-то думаю, откуда потоп?

Не успев больше ничего произнести, она кинулась на звонок в дверь и пропустила в квартиру молодого человека с чемоданчиком и разводным ключом. Без лишних вопросов он зашел в туалетную комнату и покрутил этим самым ключом внизу, где проходила связка труб. Фонтан иссяк.

– Спасибо, – поблагодарила его я и, взяв тряпки, принялась собирать воду в ведро.

– Пойду, – соседка направилась к выходу, – и у меня там, наверное, натекло полно воды, надо убрать.

– Извини, Света, что так получилось, я обязательно оплачу ремонт, – убирая воду, сказала я.

– Не переживай, – махнула рукой Света, – с каждым может случиться, ты только его больше не зови протечки устранять.

Показав Пете-рубliku кулак, Света ушла к себе. Молодой сантехник тем временем посмотрел на раскученную трубу и перевел взгляд на виновника:

– Узнаю руку мастера! Чтоб такого наворотить, надо быть потомственным сантехником или, как минимум, быть сантехником в пятом поколении. Согласен, Афиногеньч? – с иронией и издевкой в голосе спросил парень. – Учишь тебя, учишь, а ты все по принципу «сила есть, ума не надо». Это же как надо было постараться, чтобы трубы в кукиш завернуть? Мы бы с бригадой втроем так не свернули.

Пристыженный мастер-ломастер уставился в пол и что-то там рассматривал. Не поднимая головы, он понурым голосом оправдывался:

– Ты ж меня знаешь, Лёнчик, я стараюсь, токо не всегда получается.

– Не всегда, Петя, это когда хотя бы изредка, но получается, – Лёнчик продолжал что-то подкручивать, – а у вас, Петр Афиногенович, никогда!!! Пока это все, что можно сделать, я схожу за сварочным аппаратом и вернусь через час. Надо трубу новую подготовить. Будем вот здесь врезать, метр точно придется заменить! – показывая рукой, обратился он ко мне.

Я потерла лоб:

– Если это единственный выход, заменяйте, все оплачу.

Лёнчик покачал головой и кивнул в сторону Петра Афиногеновича:

– Это вот кто у нас любитель рубрики сшибать. Поэтому и прозвище такое у нашего вечного подмастерья-недоучки – Петя-рублик. Вы не волнуйтесь, – глядя на меня, сказал Лёнчик, – я постараюсь к вечеру все сделать.

И они ушли, оставив меня с вывернутой трубой и полными ведрами воды. Леня, так звали молодого мастера, не обманул. К вечеру кусок новой трубы был врезан. А главное, что нигде не капало и трубы были сухими.

Но вернемся к тому судьбоносному звонку. Неля радостно щебетала в телефонную трубку, сообщая, что вчера ей в руки попала газета с моей предвыборной речью и огромной фотографией на развороте. Она говорила и говорила о том, как хорошо, что есть такие равнодушные люди, которые, не считаясь с личным, отдают все свое свободное время чужим детям, и о том, что ей искренне жаль, что я проиграла выборы. Она вела себя в разговоре так, как будто мы расстались только вчера. Затем последовала пара-тройка дежурных утешительных фраз, и завершила она свой монолог такими словами:

– Не переживай, подруга, каждому на том свете воздастся по заслугам.

«Я, конечно, не сомневаюсь, что на том свете воздастся, но все же хотелось бы и на этом пожить по-человечески», – подумала я.

– Слушай, я со своей приятельницей как раз собиралась отдохнуть в Турции, но, к сожалению, она заболела! – вдруг воскликнула Неля. – А билеты уже заказаны и на нее. Я каждый год вывожу своих подруг на отдых, одной ехать тоска, сама понимаешь, в дороге вдвоем веселей. А в Турции у меня куча друзей и приятельниц, я отдыхала там уже два раза. И поверь мне, лучшего места на земле нет! А самое главное, что в это время года там почти все даром. Ну, просто халява.

Она еще что-то рассказывала про прелести и красоты райского места, а у меня в ушах крутилось и крутилось одно сладкое и пьянящее слово «халява». Отдохнуть и отвлечься от вечных проблем очень хотелось. «Но ведь Неля мне чужой и незнакомый человек!» – подумала я. На улице второй день шел, а вернее, лил дождь, выборы опустошили, хотелось реветь от бессилия, а в дверь уже стучалась «подруга» хандра. И вот, наверное, стечение всех этих факторов и отключило защитный, точнее сказать, думательный механизм моего организма.

– Так ты согласна? – тоном скорее утвердительным, чем вопросительным спросила она. – Раздумывать нет времени, ответ я жду быстро: завтра днем нужно выкупать билеты на самолет.

Я тут же представила себя в объятиях теплого моря и ласкового солнца. Перед глазами поплыли образы бескрайних песчаных пляжей такой далекой и загадочной Турции. Как раз такую вот рекламу нам и бросили в почтовый ящик на прошлой неделе. Цены же, указанные в проспекте, привели меня тогда в глубокое уныние. Мне, на данном этапе безработной, это было не по карману. Вернее, цена путевки равнялась точно моей заначке. Но эти деньги я держала на «черный день». Вот этим обстоятельством я и поделилась с моей будущей компаньонкой.

Неля тут же стала ругать меня.

– Нет, – говорила она, – ты подумай, для тебя все это что? Не «черный день»?! Подумай о своем здоровье, полюби себя наконец. Ты когда последний раз отдыхала? А насчет больших финансовых затрат не парься, я же говорю, у меня все схвачено, я живу по принципу «не имей сто рублей...».

«А лучше имей и то, и другое», – подумала я, а вслух сказала:

– Спасибо, я подумаю.

– Думай, только быстрее, – промурлыкала Неля и повесила трубку.

Положив на одну чашу весов свои мечты о заграничном отдыхе, а на другую мое опасение по поводу не очень знакомой мне женщины Нели, я решила, что в людях надо видеть больше положительного, а недостатки... Они ведь есть у всех, и вообще, когда еще выпадет такая удача отдохнуть на халяву!

Первым делом я решила позвонить своей лучшей подруге Ольге. Правда, так ее называли все, кроме меня. Для меня же она Леля, или просто Лекочка. Моментально оценив ситуацию, она тут же примчалась на такси с огромными сумками в руках. Ворвавшись в прихожую и сметая все на своем пути, как цунами, Леля искренне улыбнулась и, раскинув руки, заявила с иронией в голосе:

– Ну, наконец-то и ты решила отдохнуть, как все нормальные люди! Лед тронулся, а лодка под названием «Хандра» будет потоплена нашим человеком по фамилии Айсберг.

– Можно подумать, что я мечтаю провести свой отпуск среди айсбергов на южном берегу Северного моря! – язвительно процедила я, изобразив на лице ехидную улыбку.

– Да, подруга, – сказала Леля, – с юмором у тебя всегда было лучше, чем с деньгами.

– Ты что, ко мне жить перебираешься? – застонала я, глядя на две огромные торбы в ее руках.

– Нет, дурында, буду сейчас тебя одевать на зависть всем капиталистам, – задорно произнесла она, ставя огромные сумки в прихожей. – А то после звонка вдруг перед глазами возник твой образ в деловом костюме и с серой сумкой через плечо, – Леля давилась от смеха. – Да, ни дать ни взять радистка Кэт.

– Чем тебе не нравится моя сумка? – огрызнулась я. – Очень еще даже ничего.

– Вот-вот, этому твоему «ничего» серого цвета, между прочим, который год ставят прогулы на нашей городской свалке.

«Да, – грустно подумала я, – наверное, моя подруга не так далека от истины. Что же я имею в своем гардеробе для поездки к морю?»

Я зажмурила один глаз и начала медленно загибать пальцы. Из мучительных подсчетов меня вывел окрик подруги:

– Ну что, так и будешь робко взирать на меня одним глазом, как подбитый суслик, или все-таки откроешь широко глаза и шагнешь навстречу своей доброй волшебнице? – засмеялась подруга, протягивая мне огромные пакеты.

Под словами «добрая волшебница» она, конечно же, имела в виду себя. «Да, – подумала я, – здорово все-таки иметь такую подругу, как Лелька».

О нашей с Лелькой дружбе можно написать целый роман. Мы знакомы много лет, даже и не помню сколько. Как недавно пошутила подруга, отвечая на вопрос моего десятилетнего сына, давно ли мы знаем друг друга: «Мы с ней помним еще ледниковый период». Ну, а если точнее – после восьмого класса. По совету мамы и папы я, тихая и послушная девочка, поступила в музыкальное училище, где мы с Лелей и познакомились. И хотя учились на разных отделениях (я на народном – очно, а Леля на хоровом-дирижерском – заочно), мы подружились.

До сих пор для меня загадка, почему мы так сблизились с ней, ведь более разных по характеру и темпераменту людей трудно было найти. Сколько ее помню, с юности она была веселая, открытая, импульсивная и очень смелая девушка, которая никогда не лезла за словом

в карман. Справедливая была и честная, с красивым открытым взглядом. А как она рассказывала анекдоты про евреев, а как любила говорить о себе: «Я, знаете ли, из семьи старых недобитых, в тридцать восьмом всех выбили, а нас случайно пропустили». Да, характер у Лели был еще тот. И хотя носила она фамилию Ревицкая и воспитывалась в добропорядочной еврейской семье, ее старая бабушка Фима говорила с грустью: «Наша Лелечка – это ходячее пособие для антисемитов!»

Мы, не сговариваясь, поступили в один институт, окончили его и даже одно время работали вместе в музыкальной школе, но жизнь распорядилась по-своему. По сложившимся на тот момент обстоятельствам она уехала из города, поменяла специальность, семейное положение, и на несколько лет мы потеряли друг друга из виду.

Жизнь продолжалась. Дети подрастали, прибавляя проблем, в общем, наверное, как у многих – суета сует, как говаривала моя бабушка, а за повседневной суетой не замечаешь, как теряется что-то важное.

И все же иногда ночами, проваливаясь в сон, я думала о Лельке, вспоминала нашу беззаботную юность. Где ты, Лелька? Да и, если быть честной, мне было плохо без ее шуток, вечного оптимизма и всегда улыбающегося лица. Но так уж устроена жизнь: все хорошее, так же как и плохое, когда-нибудь кончается.

И это плохое кончилось телефонным звонком в полдень накануне праздника Дня Победы. «Алло, здесь посылают на Марс?» – услышала я знакомый голос Лельки. Я в ответ радостно закричала: «Нет, здесь посылают на фиг, а если вам нужен американский разведчик, то он живет этажом выше». Мы обе захохотали. Много лет назад это был наш любимый анекдот. Ну, а затем были встречи, бесконечные разговоры, одним словом, мы наверстывали упущенное.

С того момента мы расставались разве что на время ее отпусков. Теперь же отпуск предстоял мне.

С молодецким задором и таким же энтузиазмом Леля решила незамедлительно воплотить свою идею в жизнь, а именно одеть меня на зависть капиталистам и сразить их наповал. Для этого она вытряхнула содержимое своих необъятных сумок на пол. Да, зрелище было еще то! Огромные кучи летних вещей, всевозможных шляпок и ярких аксессуаров возвышались верблюжьими горбами в центре моей комнаты. Все это богатство представляло собой что-то среднее между наследством бабушки Фимы, о котором мы слышали еще в юности и над которым тихо посмеивались, и грандиозной распродажей в магазине секонд-хенд.

– Ну как? Впечатляет? Заметь, каждая вещь – эксклюзив, – подруга с нескрываемой гордостью нацепила на себя соломенную шляпку, щедро украшенную мелкими цветными перышками и ядовито-зелеными тряпичными розочками. Она стояла в этом «шедевре дальтоника» около ярких необъятных куч с вещами, напоминая мне картинку под названием «Летний полдень на блошином рынке». Я вся похолодела, непроизвольно отступила назад и, положив руку на грудь, искренне сказала:

– Леля, ты погорячилась.

Но подруга, не обращая на меня внимания, с гордо поднятой головой произнесла:

– Париж отдыхает!

«Ей бы сейчас в руки табличку с надписью “Эта птица принесет вам счастье”, и полный кабздец!» – с ужасом глядя на нее, подумала я.

Почувствовав, что я не разделяю восторга по поводу моего будущего преображения, Леля сделала круглые глаза и уверенно заявила:

– Я думаю, что на тебе это будет смотреться по-другому.

Чтобы я не раздумывала, она быстро стащила с меня домашний халат, водрузила на мою голову шляпку в диких розочках и замотала в какую-то прозрачную ткань, напоминающую

рыболовную сеть с люрексом. Да, в одном она точно была права: на мне это смотрелось по-другому. Я бы сказала – хуже просто некуда. Но моя подруга, совершенно не обращая внимание на мои опасения, для целостности образа сунула мне в руки розовый шелковый зонтик от солнца и невероятных размеров ядовито-бирюзовую целлофановую сумку, в которую при желании можно было запихнуть пляжный лежак с раскладным креслом. Повесив эту красоту на мое хрупкое плечо и отойдя в сторону, она, довольная сотворенным, произнесла:

– Красота! Я всегда говорила, что во мне погиб гениальный модельер, – и с этими словами подтолкнула меня к зеркалу.

Тихий стон вырвался из моего взбунтовавшегося нутра. Из зеркала на меня смотрел дикий персонаж из немого синемаатографа двадцатых годов, а столь «искусно» подобранная цветовая гамма вызывала у меня тошноту. Я напоминала стареющую русалку, запутавшуюся в рыболовную сеть где-то на дне моря. И, спросите меня, зачем мне там зонтик от солнца, эта дурацкая сумка и убивающая наповал шляпка с зелеными розочками? Цель, поставленная моей подругой, – вызвать зависть и сразить капиталистов, – была полностью достигнута. Появись я в таком виде на людях, и всех капиталистов, демократов и прочих беспартийных, имеющих зрение, просто разорвало бы от смеха. А мне, глядя на себя, хотелось плакать.

В этот момент я услышала звук открывающейся входной двери. Это мой муж Сева пришел с работы. Заглянув в комнату, он весело сказал:

– Привет, девчонки, – и, окинув меня обалделым взглядом, заржал. Да, он не смеялся, он – ржал. Как полковая лошадь, увидевшая плешивого осла в полной боевой амуниции. Это было последней каплей моего долготерпения.

– Все, – сказала я подруге. – Очень тебе благодарна, но гардероб я себе подберу сама. У нас с тобой всегда были разные вкусы.

Пока мой муж в коридоре острил и посмеивался над моим нарядом, Лелька недоуменно пожимала плечами.

– Я тебя не понимаю, – в ее голосе звучала обида, – все было так ярко, по-летнему, весело.

– Да уж, – заходясь от смеха, простонал Сева, – обхохочешься.

Одевшись опять в домашний халат, я наконец-то успокоилась и, извинившись еще раз перед Лелей, ушла на кухню готовить ужин. Лелька, недовольно сопя, стала засовывать в сумки свой эксклюзив. И когда процесс сбора был закончен, она с тоской глянула на эти торбы ужающих размеров и с сожалением в голосе произнесла:

– Жаль, что тебе это не пригодилось. Опять тащить все назад.

Вызвав по телефону такси и проводив подругу, я вернулась в квартиру.

– Что это было? – не унимался муж. – К новогоднему карнавалу готовитесь?

– Нет, это я в отпуск хочу съездить со знакомой, в Турцию.

– В отпуск – это хорошо, – сказал муж, – тебе давно надо отдохнуть. Вот только где взять деньги? Это же сумма немалая.

Я рассказала Севе про Нелин утренний звонок и свою записку.

– Ох, не нравится мне этот «бесплатный сыр», – проворчал муж, – может, подождем лета, моих отпускных и рванем все вместе?

– Нет уж, – отрезала я. – Такой возможности у меня больше не будет. Поеду сейчас.

На том и порешили.

На следующий день я позвонила Неле и дала согласие на поездку.

– Как все здорово складывается! Теперь у меня будет замечательная помощница! – воскликнула она. – Надо встретиться и все подробно обговорить. Сегодня вечером у тебя. Жди.

За домашними хлопотами день пролетел незаметно. Вечером в назначенный час раздался звонок, и на пороге появилась Неля, держа за руку мальчика лет пяти – шести.

– Знакомься – это мой сын Дима, но мы ласково его называем Дюсик, – сложив губы трубочкой, просюсюкала Неля. – Нам скоро шесть, – и, повернувшись к сыну, продолжила: – А это тетя Влада, будь с ней повежливей, Дюсечка.

– А она мне кто? Сестра или подружка? – прогундел малыш.

Неля извиняюще улыбнулась.

Они разделись в прихожей, и я предложила гостям пройти в комнату. Малыш ежесекундно дергал мать за рукав и шипел ей что-то на ухо.

– Нет, в комнату не надо, идемте лучше на кухню, – сказала Неля. – Надо Дюсику налить чайку, дать конфетку и печенюку. Да, мой сладкий? – пропела она. – И тогда мамочка с тетей сможет спокойно поговорить о делах.

Подмигнув мне, она величаво прошествовала на кухню. Я, право, от такого напора растерялась, но быстро взяла себя в руки и, приготовив угощение, стала разливать чай по чашкам. Я заварила мой любимый «Липтон» – у него хороший насыщенный вкус.

– Угощайтесь, – я пододвинула поближе к гостям вазочку с конфетами и шоколадным печеньем.

– Спасибо, но Дюсечка этого не ест, – сказала Неля и достала из сумочки заморское лакомство – две хрустящие палочки печенья, облитые, как уверяет нас реклама, толстым-толстым слоем шоколада. – Да, и еще: чай Дюсечка пьет только английский с бергамотом.

Глядя на недовольно перекошенное лицо маленького капризы, я поняла, что в число почитателей «Липтона» Дюсик не входит, мой чай пришелся ему не по вкусу.

Дюсечка ныл не прекращая. То ему было жарко – и заботливая мама хваталась его раздевать, то он вдруг замерзал – и его тут же надо было одеть. При этом он не забывал запихивать в рот конфеты, чавкать и хвататься за все руками, которые были так же обильно измазаны толстым-толстым слоем шоколада, как и его любимое печенье. В счастливые моменты пережевывания конфет, когда Дюсик вынужден был делать паузы, так как жевать и ныть одновременно было затруднительно, Неля пыталась мне рассказать о нашей будущей поездке.

Насытившись, Дюсечка требовательно прогундел:

– Кто из вас будет со мной играть?

Мама, мило улыбаясь своему сыну, попросила:

– Дай нам с тетей поговорить хоть минуточку, – но отпрыск ее не слышал.

– Подожди, – сказала я. – Его надо просто чем-нибудь занять, и тогда мы поговорим спокойно.

Зайдя в комнату, я достала из шкафа большую коробку с игрушками сына. Андрюше десять лет. Несмотря на то, что он уже хорошо владел компьютером и предпочитал игры виртуальные, время от времени он играл с солдатиками и очень любил конструктор «Лего». Чего только не было в его коробке, но Дюсечка не обращал своего драгоценного внимания ни на меня, ни на коробку. Он продолжал ныть, требуя внимания только к себе.

– Иди посмотри, что есть у Андрюши, выбери и поиграй игрушками, – еще раз предложила я.

– А кто такой Андрюша? – спросил недовольно Дюсик.

– Это сынок тети Влады, – ласково глядя Дюсика по голове, проговорила Неля.

– А он мне кто? – не унимался Дюсик. – Брат или дружок? – продолжал он, не обращая внимания на коробку с игрушками.

В эту минуту раздался звонок, и в квартиру с веселым смехом влетел Андрюша с соседским мальчиком Игорем.

– Привет всем! У нас гости? – спросил он, глядя, как Дюсик от смущения карабкается и прячется у Нели на руках.

– Мам, можно я Игорю новую игру на компьютер поставлю и покажу, как надо пройти пятый уровень?

– Можно, – разрешила я, – только прошу взять с собой Диму. Может, и ему эта игра понравится?

Ребята ушли в детскую комнату, а мы вернулись на кухню и продолжили разговор.

– Я прямо не знаю, что это сегодня с Дюсечкой, ну нет настроения прямо с утра. Вообще-то он такая умница у меня и развитый не по годам, от него все воспитатели садика в восторге, – сказала Неля.

Выпив еще по чашке чая и поговорив минут десять, мы прошли в комнату и застали там следующую картину: Дюсик с улыбкой неандертальца, ловкостью шимпанзе и упорством носорога с остервенением прыгал на нашей двуспальной кровати и выколачивал из пружинных матрасов пыль. Одновременно в двух руках он держал по игрушечной пластмассовой машинке и при каждом новом взлете над кроватью бил их друг о друга, с наслаждением вопя: «Авария! Берегись! Авария!»

Мой сын с другом стояли тут же и беспомощно разводили руками.

– Мам, мы его хотели остановить, но он кусается. И ругается матом, – добавил, покраснев, Андрей. – Забери его от нас, а то я ничего не успею показать Игорю.

– Дюся, как некрасиво! – попыталась приструнить свое чадо Неля. – Если не слезешь немедленно, я тут же уйду, ты меня знаешь, – строго проговорила она, но при этом не сдвинулась даже на сантиметр.

Отпрыск и не думал реагировать на слова матери. Видимо, такие пустые угрозы были не впервой. Надо думать, он знал, что заботливая и обожающая его чрезмерно мамаша никуда не денется. Он продолжал взлетать под потолок, одновременно вопя, как раненый бегемот, добивая пластмассовые игрушки. Все прикроватное пространство было усеяно острыми осколками разбитых игрушек. Неля, пунцовая от бессилия и неловкости, продолжала угрожать Дюсику своим уходом. Но ей не стоило сотрясать воздух пустыми угрозами. Дюсик на них чихал с высоты нашего потолка, а потолок, скажу я вам, у нас трехметровый. И тут уже лопнуло мое терпение.

– Достаточно! – строго сказала я. – Ты ломаешь нам кровать, сейчас же прекрати!

И то ли от усталости, то ли от того, что машины были окончательно доломаны, Дюсик остановился. Неуклюже слез с кровати и, как ни в чем не бывало, повернувшись к пунцовой, похожей на свеклу Неле, слащаво-приторным голоском произнес:

– Мамочка, какая же ты у меня красавица, просто прелесть! Молодая и тоненькая, как девочка, – при этом юный льстец выпячивал и надувал губки, заламывал ручки и закатывал глазки.

К мамочке тут же вернулся здоровый цвет лица, и она, с восторгом глядя попеременно то на меня, то на Дюсика, произнесла:

– Видишь, какой он у меня ласковый, интеллигентный и необыкновенно честный мальчик.

«Да, – пронеслось в моей голове, – честный, особенно по части слов “молодая” и “стройная”». Но мамочке до боли хотелось в это верить, а хитрый сынуля знал, на какие струнки надавить.

– Ты тоже красавица, и волосики и глазки у тебя просто прелесть, – уже повернувшись ко мне, пропел маленький льстец, при этом он продолжал выпячивать губки, заламывать ручки и закатывать глазки. Мне стало не по себе: мальчик шести лет поет такие дифирамбы! Ни дать ни взять будущий Казанова. Неля же не скрывала своего обожания и с гордостью взирала с высоты своего роста на сотворенное ею чудо. А чудо, поковырявшись в носу, басом произнесло:

– Я хочу писать.

– Сейчас, сейчас, мое солнышко, потерпи, – заторопилась Неля, извлекая из дамской сумочки яркую пластиковую бутылочку.

– Дюсик не любит унитазы, – тут же пояснила она, – у него есть любимая бутылочка. Да, мой хороший? Идем, – сказала она, и парочка удалилась в туалет.

«Да, прелестно, – подумала я, – писаем в любимую бутылочку, а какаем в именную коробочку?» И еще как-то сами собой пришли на ум слова мудреца о том, что родительская любовь слепа.

Проводив своих новых знакомых, я принялась наводить порядок в комнате. Под ногами хрустели осколки пластмассы, смятые журналы и куча оберток от конфет. В комнату заглянул сын.

– Ну и знакомые у тебя, мам, – хмыкнул он, – а этот Дюсик просто герой фильма «Вождь краснокожих».

– Он еще маленький, – как-то не очень-то уверенно ответила я, – ему только шесть лет.

– Маленький, – пробурчал Андрюшка, – а ругается, как большой. Мам, – жалобно сказал сын, – не приглашай его больше, а то он все мои игрушки разломает.

– Ладно, – пообещала я, – неси мусорный пакет, будем наводить порядок.

Подготовка к отпуску шла полным ходом, а еще были хлопоты по дому, и поэтому с Нелей и Дюсиком мы увиделись только накануне отъезда. Она забежала ко мне и с порога спросила:

– Сколько у тебя будет сумок с собой в дорогу?

Я ответила, что вещей возьму немного – один чемодан на колесиках, так как не хочу носиться с торбами по поездкам и самолетам.

– Хорошо, – облегченно вздохнула Неля, – а то у нас вещей – десять рук не хватит.

– Как же ты собираешься с ребенком на руках и столько вещей брать? – спросила я.

– Ничего, не впервой, да и ты, думаю, поможешь, – она весело подмигнула.

– Ты принеси несколько вещей мне, я попробую их положить к себе в чемодан, у меня там есть немного места, – предложила я. – Может, на одну поклажу у вас будет меньше.

Неля с энтузиазмом приняла мое предложение и спустя два часа вошла в прихожую с двумя неподъемными сумками. Я тут же пожалела о своем предложении, но отступить было поздно.

– Вот, это вещи Дюсика для пляжа. Он весь год мечтал искупаться в море. Я очень спешу, мне еще сегодня стрижку надо успеть сделать, – сказала она и умчалась, не закрыв дверь.

Я стояла с сумками в руках и на все лады склоняла свою инициативу. Как всем известно, эта самая инициатива наказуема. Но делать было нечего, и я понуро побрела к своему уже собранному чемодану. Раскрыв его и залюбовавшись так ладно упакованными вещами, я перевела взгляд на пляжно-морские вещи Дюсика, которые мне предстояло доупаковать в свой чемодан. «Нельзя лишать ребенка мечты», – подумала я и с новыми силами, вытряхнув содержимое чемодана, принялась упаковывать его заново. Когда вещи Дюсика были упакованы, я поняла, что моим вещам уготовано остаться дома в шкафу. Свободного места в чемодане почти не осталось. Куча аккуратных пакетов, где были сложены мои вещи, возвышалась на диване рядом.

«Что делать? Кто виноват?» – крутилось в голове. Хотя, если быть честной до конца, кто виноват, я знала, а вот что делать – нет. И от этого мне было еще хуже. Вытряхнув вещи из пакетов на диван, я стала откладывать те, без которых в конце концов можно и обойтись: второй летний сарафан отлетел в сторону, запасную пару обуви туда же. «И зачем мне два выходных наряда?» – решила я. Отобрав еще пару-тройку вещей и оставив только необходимое, я принялась за самую трудную часть моего дела. Мне предстояло втиснуть свой минимум между «пляжно-морской мечтой» Дюсика.

После часового пыhtения около чемодана мои вещи были разложены. А точнее, все, кроме левой туфли. Правая туфля удобно лежала в чемодане, втиснутая между лапами Дюсика и остальными деталями его «мечты». Но как я ни пыталась просунуть, примостить, ввинтить левую туфлю в чемодан, у меня ничего не получалось. Представив себя одиноко бредущей в

одной туфле по вечерней набережной, мне захотелось заплакать, и я решила попытаться еще раз.

В этот момент позвонили в дверь. Я пошла открывать.

– Привет, пропащая душа, – весело сказала Лелька. Но, увидев меня, с тревогой спросила: – Подруга, ты здорова?

– Как никогда, – простионала я, вспоминая чемодан. – А что, я так плохо выгляжу?

– Ты на себя со стороны посмотри! – предложила Леля и подтолкнула меня к зеркалу.

– Ну и что тебе не нравится? – я всматривалась в свое отражение. – Просто я собиралась и немного устала.

– Это ясно, а вот почему ты так угрожающе держишь туфлю?

– Моль пытаюсь прибить, – съязвила я.

– Шпилькой? – уточнила Леля. – Ты лучше га зету возьми, вероятность попадания больше.

– Хорошо, что ты пришла, а то у меня уже нет сил с этими сборами, может, ты сможешь мне уложить это? – попросила я, протягивая ей одинокую туфлю.

Мы подошли к доверху набитому чемодану, и все повторилось сначала. Леля старалась изо всех сил. Прищутив левый глаз, правым она оценивала пространство, куда ей предстояло поместить мою туфлю. Пыхтя от натуги, она по той же схеме пыталась просунуть, втиснуть, утоптать левую туфлю в уже и без того переполненный чемодан, но и у нее ничего не получилось.

– Может, что-нибудь вытащить? – спросила Леля.

– Нет, – сказала я. – Все, что можно, я уже вытащила.

– Ну, не переживай, завернешь и положишь в сумочку с документами, – еще не отдышавшись, предложила она.

– Черт с ней! Придет с работы Сева, он же мужчина и что-нибудь придумает, – решила я и повела Лельку на кухню пить чай.

Придя с работы, Сева по уже отработанной нами схеме тоже пытался изо всех сил упаковать мою левую туфлю в чемодан. Но, увы, и его попытки ни к чему не привели. Моя левая туфля одиноко лежала на диване и ждала приговора.

– Что ты мучаешься? – спросил муж. – Вытащи вторую и оставь туфли дома.

– Нет уж, у меня с собой только пляжные шлепки, это единственная пара нормальной обуви.

– Ну, тогда послушай свою подругу и положи ее в сумочку с документами.

– Других вариантов нет? – спросила я.

Муж и Лелька пожали плечами, и мне стало понятно – других вариантов не будет.

Последний день перед отъездом прошел в суматохе. С утра непрерывно звонил телефон, и меня приглашали на встречи, конференции и собрания различных организаций. Я вежливо благодарила и сообщала, что уезжаю в отпуск. Мне еще нужно было зайти в школу к сыну, не забыть оплатить телефон, купить продуктов и приготовить что-нибудь вкусненькое своей семье, дабы немного скрасить наше расставание.

Днем позвонила Неля, и мы договорились встретиться завтра на перроне у нашего вагона.

В ночь перед отъездом мне приснился жуткий сон: в лучах заходящего солнца я шла по набережной хромающей походкой, в одной правой туфле, замотанная в ту самую рыболовную сеть с люрексом, а на моей голове красовалась эксклюзивная шляпа в жутких зеленых розочках. Навстречу мне радостно прыгал Дюсик с цветной бутылочкой в руках и, размахивая ею, истошно вопил: «Авария! Берегись! Авария!» А завершала этот кошмар Неля, неловко бегущая в лапах и размахивающая розовым шелковым зонтиком от солнца. Она что-то угрожающе кричала вслед убегающему Дюсику.

Я проснулась в холодном поту. За окном было еще темно. Часы показывали полшестого. «Все равно больше не засну», – подумала я и, тихо встав с кровати, пошла на кухню.

Мой поезд отправлялся в два часа дня, и поэтому прощание с семьей происходило утром. Я расцеловалась с сыном и мужем и выслушала последние пожелания и напутствия в дорогу. Мы расстались, и только я подумала: «Теперь приму душ перед дорогой, попрощаюсь с Лелькой по телефону, и можно ехать на вокзал», раздался звонок в дверь. На пороге стояла Лелька и сияла, как начищенный самовар.

– Сюрприз! Меня попросили поменяться сменами, так что сегодня я свободна, как кубинский народ! – театрално раскинув руки, произнесла она.

– Заходи уж, коль пришла, свободный представитель кубинского народа, – беззлобно проворчала я, проводя подругу на кухню. – Свари, пожалуйста, кофе и возьми бутерброды в холодильнике, а я в душ, потом перекусим.

Минут через десять, сидя на кухне, мы пили ароматный кофе, и я рассказывала Лельке о своем ночном кошмаре. Допив кофе и потянувшись от удовольствия, Леля со знанием дела произнесла:

– Это, подруга, тебе привет из Кашенко. Я где-то читала, что если видишь во сне дурацкую шляпу на своей голове, то надо проверить психику.

– Кто бы говорил! – воскликнула я. – А если твоя лучшая подруга наяву, а не во сне эту самую дурацкую шляпу напяливает тебе на голову и при этом уверяет всех вокруг, что ты прекрасна, как жар-птица, что нужно проверять? Мозги или зрение? – уточнила я, и мы, не сговариваясь, рассмеялись.

– Тут, я думаю, нужно полное обследование, – сквозь смех сказала Леля. – Хотя я так и не пойму, чем тебе не угодил эта шляпка? – хитро спросила она.

Я застонала:

– Это не шляпка, Леля, это – диагноз! – Говоря это, я случайно заметила на полу небрежно брошенную Лелину сумку, из которой торчал до боли знакомый фрагмент этого самого диагноза. Меня охватило нехорошее предчувствие и, указав на сумку, я возопила: – Это что?

Отпираться было бесполезно. Леля была загнана в угол. Она вся съежилась под моим недобрый взглядом и тихо, с извинением в голосе произнесла:

– Знаешь, а я надеялась, что ты передумаешь!

Лицо ее выглядело несчастным, и мне стало стыдно, ведь она так старалась! Я встала, обняла Лельку и, посмотрев ей в глаза, сказала:

– Забудь ты про эту шляпу! Как здорово, что у меня есть такая подруга, как ты! Спасибо тебе за все!

За разговорами мы не заметили, как быстро пролетело время. Пора было ехать. Вызвав такси, мы прибыли на вокзал за час до отправления. Побродив там немного, вышли на перрон. Поезд был уже подан, и проводники, стоя у вагонов, ждали первых пассажиров. Подойдя к нашему вагону и посмотрев по сторонам, Леля спросила:

– Ну что, твоих компаньонов не видно?

– Да что-то не видно. Ну, время еще есть, подъедут.

– Давай занесем чемодан в купе, а потом вернемся на перрон, – предложила подруга.

Мы подошли к проводнице и хором поздоровались. Я, как положено, протянула ей паспорт и билет. Не поднимая головы и не переставая раскачиваться с пятки на носок, проводница хорошо поставленным командирским голосом произнесла:

– Ваш билет.

– Так вот же, – сказала я, протягивая руку ближе к ней. Проводница взяла мой паспорт и стала внимательно его изучать, то отводя, то приближая его к своему лицу.

Мы с подругой вопросительно переглянулись. «Может, плохо видит?» – подумала я, и тут хозяйка вагона подняла на меня свой взгляд, пытаюсь, наверное, сравнить фотографию с оригиналом. Я с удивлением увидела на ее лице единственный здоровый левый глаз, которым она, как рентген, просвечивала меня насквозь. Правый же глаз все время нервно метался, пытаюсь увидеть ее левое ухо. Проводница явно страдала косоглазием. Свернув зачем-то последнюю страницу моего паспорта с данными билета, она громко сказала: «Проходите» и назвала номер моего места.

За спиной у меня стояла Лелька и давилась от смеха. Подняв тяжеленный чемодан, мы протащили его в свое купе и разместили под нижней полкой.

– Знаешь, подруга, а ты везучая, – продолжала смеяться Лелька, – у тебя косая всего лишь проводница. Если бы ехала я, у меня точно был бы косой машинист! Ты, главное, не заказывай ей кипяток, – не унималась Леля, – и, возможно, тогда доедете без потерь.

Из моей небольшой дамской сумочки выглядывал пакет с непоместившейся туфлей, и острый каблучок неприятно давил мне в бок. Билеты и паспорт были у меня в кармане, поэтому сумочку я тоже оставила в купе. Мы вышли из вагона, пропуская входящих пассажиров. Наша проводница, не прекращая раскачиваться как метроном, бдительно вглядывалась одним глазом в паспорт очередного пассажира: она то подносила его близко к лицу, то удаляла на значительное расстояние. Около нее уже собралась толпа недовольных пассажиров, желающих побыстрее пройти в вагон на свои места.

– Не надо меня подгонять, я проверяю документы, – важно сказала проводница, читая очередной паспорт вверх ногами. Глядя на эту комичную ситуацию, я подумала, что в наш вагон можно пройти и по ветеринарному свидетельству собаки.

В этот момент из соседнего вагона выпрыгнула другая проводница и, подойдя, протянула нашей очки.

– Вот возьми, Тamarочка, – звонким голосом сказала она. – Саша прикрутил дужку, как смог, а приедешь – отдашь в ремонт или новые купишь.

– Спасибо, Людочка, – сказала наша Тamarочка и водрузила на нос огромные очки с толстыми линзами.

– Да, – серьезно произнесла Леля, взглянув на преображенное в очках лицо нашей проводницы, – как ни старайся, а такую красоту ничем не испортишь.

Я взглянула на часы. До отправления поезда оставалось десять минут, а моих компаньонов не видно.

– Это, случайно, не твои идут? – кивнула головой Лелька в сторону входа на перрон.

Я повернула голову и увидела следующее: по перрону, держа под мышкой огромного надувного крокодила оранжевого цвета, весело прыгал Дюсик, за ним бежала Неля, таща две огромные сумки, и что-то кричала ему вслед. Завершал этот караван небольшой мужчина, нагруженный пакетами и пакетиками, как навьюченный мул. Подбежав к нам, они остановились, и Неля лихорадочно стала искать в сумочке документы и билеты.

– Привет! – сказала я, обращаясь к ним. – Познакомьтесь, это моя подруга Леля.

Неля повернулась к подруге и едва кивнула головой.

– Жора, – тихо представился мужчина.

Неля скривила рот в недовольной гримасе и что-то пробурчала себе под нос, она явно была не в духе.

Леля протянула руку Дюсику и спросила:

– А тебя как зовут, малыш?

Дюсик нахмурил лоб:

– Дима, – гордо сообщил Дюсик, выставя вперед крокодила, – а это мой брат.

– А меня тетя Оля, – весело сказала моя подруга.

– А ты мне кто? Сестра?

Леля не успела ничего ответить.

Схватив Дюсика за шиворот, Неля притянула его к себе.

– Иди, нервотреп, сюда, – с раздражением произнесла она, – и не задавай идиотских вопросов. Ты меня сегодня достал, мы из-за тебя чуть не опоздали на поезд.

Я, честно говоря, обалдела от увиденного. От сюсюканья с сыном не осталось и следа. Очевидно, ему сегодня пришлось сильно постараться, чтобы так достать мамочку. Дюсик сделал зверскую гримасу и стал ее пугать надувным крокодилом. Чтобы привлечь ее внимание, он рычал и лаял, блеял и хрюкал, тыча надувной игрушкой в мамино ухо.

– А ты заноси вещи, – грозно взглянув на Жору, сказала Неля, – тебе что, особая команда нужна?

Неля подтолкнула Жору к ступенькам вагона. Бедный Жора, навьюченный котомками, без помощи рук пытался вскарабкаться по высоким вагонным ступенькам, как альпинист на вершину Эвереста, но эта вершина под названием вагон № 6 ему не хотела покоряться! Из глаз Нели летели искры, а из уст обидные слова в адрес Жоры. Мужчина изо всех сил пытался преодолеть препятствие, но не мог подняться выше первой ступеньки – тяжелая ноша тянула его вниз. Мы с Лелькой кинулись ему помогать.

Тем временем Дюсик, не прекращая страшить Нелю надувным монстром, пытался попасть ей в лицо, при этом требуя от матери поцеловать крокодила в нарисованный оскал. Отбиваясь одной рукой от Дюсика и крокодила, другой рукой Неля пыталась что-то объяснить косой проводнице. Не найдя взаимопонимания ни с одной, ни с другой стороны, она, наливаясь пунцовой краской, схватила сына с крокодилом и понесла к вагону. На вытянутых руках она попыталась запихнуть его на верхнюю ступеньку. Но Дюсик, развернув крокодила поперек, как шлагбаум, перекрыл возможность попадания в вагон. Попытки отнять игрушку и пропихнуть сына в вагон не увенчались успехом. Милый малыш, воя, как пожарная сирена, намертво вцепился в крокодила. Братья-клоны не хотели расставаться ни на секунду!

– Семейство Звездуновых, – невесело пошутила моя подруга и, пожав мне театрально руку, с сожалением в голосе добавила: – Крепись, подруга, чует мое сердце, отдохнешь ты в этой компании по полной программе.

Обалдевшая от увиденного, косая проводница беспомощно открывала и закрывала рот, как рыба, выброшенная на берег. Тем временем, отнеся все же вещи в купе, с другой стороны подоспел Жорик. Теперь родители вдвоем вступили в отчаянную схватку с Дюсиком и крокодилом. Жора ловко развернул надувного монстра, и Неля, наконец, запихнула сына в вагон. Выйдя из состояния транса, проводница гаркнула: «Сейчас тронемся!», а я подумала: «Лично я уже тронулась». Жора спустился на перрон, я, поцеловав Лельку, быстро поднялась в вагон.

Поезд плавно набирал скорость. Я прошла в свое купе. Раздраженная Неля, ноющий Дюсик и безмолвный крокодил сидели на нижней полке. «Наконец-то, посадочная суета закончилась, и теперь можно спокойно отдохнуть», – наивно подумала я. Проводница собрала билеты, и мы стали потихоньку устраиваться. Переодев Дюсика и закинув крокодила на верхнюю полку, Неля достала цветную бутылочку, давая мне понять, что Дюсе надо делать пи-пи. Выйдя из купе и прикрыв за собой дверь, я пошла за постельным бельем к проводнику.

Наша проводница Тамара стояла в тамбуре и оживленно что-то говорила представителю мужчине в форме и фуражке. Наверное, это был начальник состава. Они что-то бурно обсуждали, жестикулируя, и попеременно показывали на дверь. Я решила подождать рядом, а не возвращаться в купе. Окончив разговор, Тамара выдала мне постель и показала, где взять одеяло. Собрав все это в охапку, я подошла к своему купе и, открыв дверь, увидела следующее. Дюсик с крокодилом под мышкой сидел на верхней полке и, держась за красное распухшее ухо, тихо поскуливал. Неля, ползая под столом, что-то тщетно искала, одновременно обзывая Дюсика «гадским нервотрепом». Все купе было перевернуто с ног на голову.

– Что случилось? – с испугом спросила я.

Вылезшая из-под стола злая и растрепанная Неля, кивнув на Дюсика, сказала:

– Не, ну ты подумай, отошла на минуту в туалет, а он взял без разрешения твои туфли и одну умудрился куда-то засунуть. Все купе перевернула, не могу найти, – Неля стояла с одной моей туфлей в руке и угрожающе ею размахивала перед носом Дюсика. – Признавайся, партизан хренов, куда вторую туфлю засунул?

Ничего не понимающий Дюсик огрызнулся и, обозвав Нелю «заразой» и отвернувшись к окну, ушел в глухую «несознанку».

– Я тебе дам сейчас «заразу», – не унималась Неля, – и второе ухо щас засияет, как семафор, – грозила она.

– Не надо, – быстро сообразив, в чем дело, я кинулась спасти невинно пострадавшего Дюсика. – Туфля в пакете была одна.

Неля обалдело уставилась на меня.

– Ты что, возишь одну туфлю? – тихо, со страхом в голосе спросила она.

– Да, вожу.

– А зачем? – пыталась уточнить Неля.

– Она дорога мне как память, – сострила я, решив разрядить накалившуюся до предела обстановку в купе.

– Дорога как что? – переспросила Неля уже более спокойным тоном.

Я молчала. Начиная понимать, что я пошутила, она добавила:

– Ну, ты просто ку-ку, – и, повертев пальцем у виска, тихо села на полку.

Чувствуя себя ужасно виноватой, я стояла и нежно гладила по голове ни в чем не повинного мальчика, рассказывая историю с упаковкой той самой многострадальной туфли в мой чемодан. Затем мы извинились перед Дюсиком, спустили его с верхней полки и, потихоньку успокоившись, сели ужинать. Приближался вечер.

От усталости я валилась с ног, поэтому, быстро приготовив постель и пожелав всем, включая крокодила, спокойной ночи, я уснула. Но сон не принес мне долгожданного отдыха. Всю ночь под размеренный стук колес мне снились кошмары и виделись жуткие картины. То я видела Нелю, ползущую по вагону, то хрюкающего Дюсика с распухшим красным ухом, то косую проводницу Тамару, которая, держа на вытянутой руке надувного крокодила, строго требовала у него предъявить документы.

К довершению кошмара под утро я увидела во сне нашего сантехника Петю-рублика. Он стоял, одетый в небесные одежды, со сложенными на груди руками, и, подражая сельскому попу на крестинах, глядя в небо, тихим тоненьким голосом пел: «Не нужен мне берег турецкий, и Африка мне не нужна». Допев и грозно взглянув на меня косыми глазами нашей проводницы, он ехидным голосом спросил: «Что, на халяву отдохнуть захотелось? Накосья, выкуси!» И, сунув мне под нос огромный кукиш, растворился в тумане!

Открыв глаза и постепенно приходя в себя от ночного кошмара, я вдруг отчетливо поняла: сон был вещий!

За окном постепенно рассветало. Рядом, на нижней полке, обняв друг друга и тихо посапывая, спали мама и сын. Я посмотрела на часы – было полседьмого. До прибытия поезда в Москву оставалось шесть часов. Повернувшись к стене и закрыв глаза, я вспомнила вчерашнюю суматоху и с волнением подумала: «Что день грядущий мне готовит?»

Поезд резко дернулся, и с верхней полки вниз, задев неплотно закрытую бутылку с недопитым кефиром на столике, свалился надувной крокодил. По закону подлости вылетевший из бутылки кефир точно попал в лицо спящей Неле. Она, от неожиданности резко двинув локтем, заехала прямо в ухо мирно сопящему Дюсику. Он завыл. Перепуганная не на шутку Неля, резко соскочив с постели и споткнувшись об упавшего крокодила, со всего размаха лбом «въехала» в верхнюю полку. Удар сотряс купе. Как сказала бы моя Леля: «Были бы мозги,

было бы сотрясение». Потирая ушиб ленный лоб и матеря на все лады надувного крокодила, Неля руками пыталась стереть с лица кефир. Дюсик, обалдев от увиденного, перестал плакать и, желая поднять свою игрушку, нагнулся вниз. Тут поезд дернулся, Дюсик полетел на пол, а потерявшая равновесие Неля свалилась на меня. Все это произошло так быстро, что я только и успела подумать: «Началось». И, тут же вспомнив ночные кошмары, сказала: «Сон в руку!»

Поезд набирал ход, а я помогала Неле и Дюсику подняться и привести себя в порядок. Затем мы все умылись, убрали постели и сели пить чай. После зав трака Неля безрезультатно упрашивала Дюсика «сдуть» крокодила, объясняя ему на все лады преимущества свернутой игрушки. Но малыш лишь крепче прижимал крокодила к себе, давая тем самым понять, что лучше «сдуется» сам. Когда Неле стало ясно, что уговорами ничего не добиться, она перешла к угрозам. Сидя напротив Дюсика, она размахивала руками и перечисляла наказания, которым он подвергнется в случае невыполнения требуемого. Но Дюсик находился в прострации.

– Ты что, не слышишь меня? Козел упрямый! – теряя терпение, зарычала Неля.

Понимая, что сейчас я увижу вторую серию вчерашнего «кина», я решила взять ситуацию в свои руки:

– Неля, принеси, пожалуйста, воды.

Протянув кружку, я выпроводила ее из купе. Дюсик, не реагируя на происходящее, тихо пел и гладил ладошкой своего крокодила. Повернувшись к окну, я, как бы невзначай, стала разговаривать сама с собой.

– Где же моя шоколадка? – говорила я, доставая плитку «Фазера» из кармана куртки, – ага, вот она, ой, а тут еще что-то есть...

Дюсик наострил уши. Из карманов моей куртки, как по мановению волшебной палочки, появлялись вкусные мелочи: мармеладная конфетка, две жвачки, «чупа-чупс» и яркая коробочка с прочной нитью для чистки зубов. Все это богатство лежало на столе и, как магнитом, притягивало любопытный взгляд мальчика.

– Слушай, – сказала я, – а давай меняться? Я тебе – сладости, а ты мне дашь поносить крокодила. Только в сумочке и «сдутого».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.